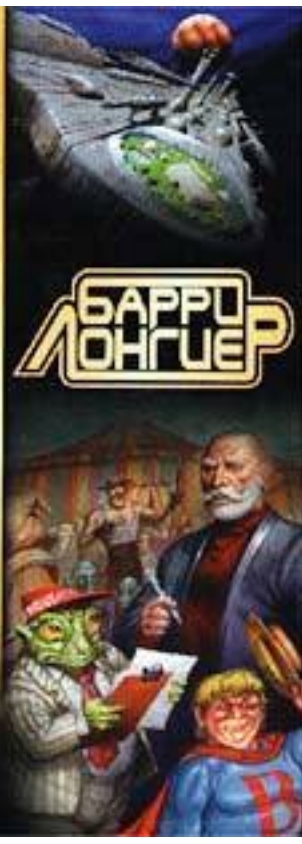

**МИР-ЦИРК
ГОРОД БАРАБУ
ПЕСНЬ СЛОНА**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Цирк

Барри Лонгиер

Город Барабу

1980

Лонгиер Б.

Город Барабу / Б. Лонгиер — 1980 — (Цирк)

Барри Лонгиер знаком отечественному читателю по эпическому циклу «Враг мой». Но теперь перед вами – Барри Лонгиер в ИНОМ АМПЛУА! Веселые, озорные приключения людей из последнего земного цирка! Людей, бежавших с Земли, потерпевших крушение и обживших планету Мом! Людей, даже не представлявших, что однажды их радостный Мир-Цирк станет объектом борьбы двух противоборствующих сил Вселенной! Однако неунывающие циркачи способны найти выход из самой безвыходной ситуации... Перед вами – произведение в духе ранних Гаррисона и Шекли! Циркачи могут умирать, но шоу должно продолжаться вечно!

Содержание

I		5
	1	5
	2	12
	3	14
	4	21
	5	23
	6	26
	7	29
	8	33
II		37
	9	37
	Конец ознакомительного фрагмента.	38

Барри Лонгиер

Город Барабу

I

ПОСЛЕДНЕЕ ШОУ НА ЗЕМЛЕ

1

Спустя два с половиной столетия после первого турне знаменитых сыновей Августа Рунгелинга «Братья Ринглинг», состоявшегося в 1884 году, «Последнее шоу на Земле» стало действительно последним. Убогое сооружение под заляпанным, натянутым на трех столбах тен-том расположилось на окраине Оттавы. Грязные, разбитые дороги давно уже уступили место стальным рельсам, те, в свою очередь, асфальту, а закончилось все бумажной метелью.

Старые проблемы никуда не исчезли. Пожары, ураганы, лед, грязь, аварии, дожди, вымогательства, поломки, крушения остались привычными явлениями в жизни труппы. Но в век, когда решение проблем человечества стало делом само собой разумеющимся, цирк Джона О'Хары оказался вдруг никому не нужным. Ему просто не находилось места. Площадки, подходящие для обустройства цирка, стоили слишком дорого. Каждый километр дороги обошелся в семьсот кредитов, взимаемых в качестве дорожных сборов, а за удобные, поросшие травкой поляны вблизи населенных пунктов приходилось отдавать до тридцати тысяч кредитов за сутки.

Впрочем, таких полянок становилось все меньше. И тем не менее цирк выдержал и это, и многое другое. Дорога его закончилась в Оттаве по иной причине, когда на пути артистов встала самая страшная преграда, нередко непреодолимая для многих учреждений, не вписывающихся в Систему. Такой преградой оказались законы об общественном благе, проводимые в жизнь неподкупными чиновниками.

– Они не желают уступить ни дюйма, мистер Джон.

Артур Бернсайд Веллингтон по прозвищу Ловкач, занимавшийся улаживанием многочисленных проблем, покачал седой головой, не поднимая глаз на сидевшего за столом Хозяина. Похоже, впервые за свои шестьдесят с лишним лет этот высокий худощавый человек ощутил себя в безвыходной ситуации. Он беспомощно поднял руки, но тут же уронил их, признавая поражение.

– Я не в силах сдвинуть их с места.

О'Хара потер глаза и, прищурясь, посмотрел на Веллингтона:

– А ты не пытался добавить сахарку, Ловкач?

Веллингтон кивнул:

– Эти ребята сыты, мистер Джон. Им ничего не нужно.

– А подбросить грязи?

Ловкач покачал головой:

– Таких чистюль я еще не видывал. Даже за парковку платят исправно. Никаких побочных доходов, никаких романов на стороне, никаких родственников на тепленьких местечках... ничего. – Он снова качнул головой. – И надо же натолкнуться на такую честность среди поли... – Веллингтон не договорил, потер подбородок, потом невидяще уставился на Хозяина.

– Ну что, Ловкач?

Веллингтон нахмурился:

– Возможно, ничего. Возможно, кое-что. Так, соломинка. – Он повернулся и, явно погруженный в какие-то мысли, вышел из административного фургона.

Несколько часов спустя, когда уже шло вечернее представление, О'Хара сидел в темном фургоне и рассеянно слушал звуки музыки, доносившиеся из-под главного купола. Прикрыв глаза, он откинулся на спинку стула. У цирковых музыкантов свой, особый звук. Конечно, профессиональные оркестры могут делать хорошие вещи, но привыкшее к звучанию цирковых инструментов ухо сразу уловит разницу. Ни один музыкант, скованный твердыми правилами нот, такта и пауз, не способен имитировать звук и ритм искусников шапито, наученных подстраиваться под пляшущих лошадей и слонов, причем так, что зрителю кажется, будто это животное танцует под музыку, а не музыка подстраивается под его движения.

О'Хара открыл глаза. На стене напротив окошечка кассы прыгали разноцветные пятнышки – отражения лампочек над главным входом. Тот парень в Бангоре – кажется, писатель? – спросил О'Хару, зачем ему это нужно. Он не сразу нашел ответ. И вправду – зачем? Работа с цирком и в цирке тяжела, опасна и не особенно прибыльна. Так зачем? Хозяин долго подбирал нужные слова, однако в конце концов укрылся за привычной фразой, затертой, но верной: «Это болезнь».

О'Хара подался вперед, положил локти на стол, опустил голову и закрыл глаза. Болезнь. Нет, хуже – пагубное пристрастие. Въевшаяся потребность, недоступная пониманию неотесанной деревенщины с пишущими машинками. А потому уважаемые представители средств массовой информации получали на свои вопросы один и тот же ответ, которым сотни лет отделялись те, кто посвятил себя цирку: «Это болезнь».

Впрочем, циркачи и сами не знают, почему ведут кочевую жизнь. Задавать вопросы – хитроумная игра, а ответы – если они и существуют – скрыты под краской, потом, шрамами, болью в глубине того, что зовется душой.

Цирк разъезжает. Это данность.

Может, мы должны спросить почему?

О'Хара распрямил спину, вытер рукавами щеки и оглядел пустой фургон. Потом тяжело поднялся, дошел до стола и вернулся к двери. Он чувствовал тяжесть прожитых лет, а Веллингтон работал в шоу еще тогда, когда Хозяином был отец О'Хары.

Может, наши лучшие годы уже позади?

Он провел ладонью по коротко подстриженной седой бороде и кивнул самому себе.

О'Хара открыл дверь и втянул запах площадки. Странная смесь – трава, солома, сладости, звери... Дневная пыль улеглась, воздух стал прозрачнее, от чего лампочки горели ярче, резче. Музыканты перешли на вальс, сопровождающий выступление воздушных гимнастов. Значит, жить цирку остается всего шестьдесят четыре минуты. Непривычно видеть, что два купола, над ареной с животными и над площадкой, где развлекали детей, до сих пор не сняты. В обычных обстоятельствах брезент уже стянули бы, скатали и уложили на место, готовясь к переезду, а рабочие собирались бы снять и главный купол, как только последний зритель исчезнет из виду.

О'Хара сунул руки в карманы пиджака, вышел из фургона и направился к небольшой группе рабочих, собравшихся у передвижного зверинца. Когда он подошел поближе, от группы отделился невысокий, плотный мужчина.

– Добрый вечер, Хозяин.

О'Хара остановился и кивнул, узнав подошедшего по комбинезону и клетчатой рубашке. Лицо мужчины оставалось в тени, отбрасываемой широкими полями замызанной шляпы.

– Привет, Дурень Джо.

– Что слышно, мистер Джон?

О'Хара опустил глаза и покачал головой:

– Похоже, нам крышка. Служащие из отдела по охране окружающей среды говорят, что конфискуют животных и засадят нас в тюрьму, если мы пересечем границу округа.

Дурень Джо стянул с головы шляпу, швырнул ее на землю и сунул руки в карманы комбинезона.

– Черт! – Он хмуро посмотрел на Хозяина. – А Ловкач может что-нибудь сделать?

О'Хара пожал плечами:

– Я бы не рассчитывал. Не тот случай. Видел бригадира?

Дурень Джо наклонился, подобрал шляпу и лишь затем, выпрямившись, протянул руку в сторону зверинца.

– Вы же знаете Раскоряку. Он где-то там. – Рабочий снова бросил шляпу на землю. – И зачем мы только сюда приехали?

– Мы там, где нужно, Джо, только опоздали лет на сто.

Он опустил руку, повернулся и направился ко входу в зверинец. В слабом свете двух фонарей можно было увидеть восемь слонов, спокойно жующих сено. Лолита, первой узнавшая Хозяина, подняла уши, повернула в его сторону массивную голову и тут же отвернулась, притворяясь, будто не заметила. О'Хара вошел и, увидев сидящих на перевернутых ведрах бригадира и главного дрессировщика, коротко кивнул им; затем остановился перед Лолитой, к ней спиной. Через несколько секунд слониха сунула хобот в карман его пиджака, ухватила мешочек с орехами, который был припасен специально для этого, и осторожно вытащила добычу.

О'Хара повернулся и пристально посмотрел на животное:

– Это еще что такое?

Лолита смущенно переступила с ноги на ногу и потрясла головой. О'Хара опустил руку в карман и нахмурился:

– Могу поклясться, что у меня здесь были орехи.

Он сердито взглянул на слониху. Та снова потрясла головой, а когда Хозяин пошел к мужчинам, разгребла хоботом ворох сена и отправила спрятанный мешочек в рот.

Раскоряка усмехнулся, поднимаясь навстречу:

– Лолита скоро станет настоящим карманником, Хозяин. Следите, чтобы она не добралась до ботинок.

Бригадир весьма напоминал Горго, Обезьяну-Убийцу, безмятежно отдыхавшего в клетке и вычесывавшего воображаемых блох. Правда, шерсть у Раскоряки была не такая густая, как у Горго, зато руки выглядели помощнее, чем лапы зверя.

О'Хара скорчил гримасу:

– Лучше пусть довольствуется орехами. – Он кивнул дрессировщику, который, не уступая в размерах О'Харе, казался хрупким в сравнении с Раскорякой. – Все спокойно, Пони?

Рыжий Пони Мийра кивнул:

– Немного забеспокоились, когда их не покормили вовремя, мистер Джон, но сейчас все тихо.

О'Хара перевернул ногой ведро и уселся на него. Раскоряка и Рыжий Пони тоже сели.

– Раскоряка, город хочет, чтобы мы убрались с площадки к завтрашнему дню, так что не отпускай пока своих ребят. Так или иначе, они нам понадобятся, чтобы свернуть цирк.

Бригадир покачал головой:

– Что будет с рабочими, мистер Джон? Куда им деться? Другого цирка не найти. Мы единственные. Последние на Земле. Что с ними будет?

О'Хара вздохнул, поджал губы и еще раз вздохнул:

– Просто не знаю.

Рыжий Пони указал на клетки со зверями: тиграми, львами, обезьянами и другими животными.

– А как быть с ними?

О'Хара посмотрел в глаза Рыжему Пони и отвел взгляд.

– Их не возьмут ни зоопарки, ни заповедники. Каждый раз мне приводят один и тот же довод: они уже не дикие, а потому, если поместить их в заповедник, это нарушит экологическую целостность или что-то в этом роде. – Он покачал головой. – Конечно, нам нельзя вывозить их за границу округа, потому что мы не в состоянии обеспечить требуемую экологическую обстановку, соответствующую их дикому состоянию.

Рыжий Пони сплюнул на стружки, покрывавшие землю.

– Так, значит, нам придется их уничтожить?

Раскоряка поскреб затылок:

– Полагаю. – Он взглянул на О'Хару. – Не думал, что Ловкач нас так подведет.

Рыжий Пони поднял руку:

– А как насчет того, чтобы устраивать представления где-то еще? На другой планете? По крайней мере мы бы сохранили цирк. На Земле ему места уже нет, это точно.

О'Хара покачал головой:

– Ловкач пытался, но те же чиновники, которые не разрешают нам пересекать границу округа, говорят, что мы не имеем права увозить животных с планеты, лишая их естественной среды обитания. – Он вздохнул. – Нас загнали в угол, Пони, вот в чем все дело.

Оркестр переключился на привычный тустеп, и все трое подняли головы. Раскоряка потер пальцем правый глаз.

– Проклятая пыль. – Он повернул голову и прислушался. – Ребята сегодня играют немного неслаженно.

На арене лошади Вилли Лонжа танцевали кадрили. Оставалось тридцать четыре минуты.

Внезапно зажегся свет. Раскоряка вскочил на ноги.

– Какого черта?

Рыжий Пони и Хозяин поднялись, и все трое повернулись к входу.

В шатер вошли несколько человек, по виду явно чиновников. Процессию возглавлял, очевидно, мистер Большая Шишка. За ним следовали господа калибром поменьше и с полдюжины репортеров. Мистер Большая Шишка держал за руку маленькую девочку, во все глаза тарасившуюся на слонов. За спиной девочки держался, не отставая ни на шаг, высокий худой мужчина в черном.

Раскоряка ткнул О'Хару локтем и прошептал:

– Мистер Джон, это же Ловкач.

Девочка потянула Большую Шишку за рукав:

– У-у-у! Папа, посмотри! Это же слон! И это, и это...

Отец не остановился.

– Да-да, дорогая. Пойдем. – Сделав еще несколько шагов, он повернулся к Ловкачу. Пони и Хозяин подошли к гостям. – Ну, мистер Веллингтон, теперь вы можете объяснить, ради чего притащили нас сюда?

Ловкач указал на О'Хару:

– Прежде всего, господин премьер-министр, позвольте представить вам Джона О'Хару, владельца «Большого шоу О'Хары».

Мистер Большая Шишка несколько надменно посмотрел на О'Хару, сдержанно улыбнулся и сказал:

– Очень приятно. – Потом снова повернулся к Ловкачу. – Мистер Веллингтон, вы говорили о чем-то, что требует моего решения, и мой генеральный советник, похоже, согласен с вами. Мы можем перейти к делу?

Ловкач кивнул:

– Конечно. Как вы знаете, премьер-министр Франкль, в том случае, когда законы не вполне ясны, а проведение их в жизнь наносит серьезный ущерб компании или отдельной лич-

ности, пострадавшая сторона имеет право потребовать, чтобы выборное официальное лицо приняло на себя ответственность за проведение...

– Да-да. У вас есть документ? – Премьер-министр взял у Ловкача лист бумаги, посмотрел документ и потянулся в карман за ручкой. – Похоже, все в полном порядке.

Ловкач потер подбородок.

– Мистер Франкль, вы, разумеется, понимаете, что реализация этого распоряжения потребует уничтожения наших животных?

Премьер-министр еще раз посмотрел документ.

– Да, это вполне ясно. И что?

Ловкач вытащил из папки несколько фотографий и раздал по одной Франклю, его дочери, прочим чиновникам и репортерам.

– Посмотрите, господин премьер-министр. Слонов нам придется уничтожать вот таким способом. Задние ноги животного приковывают цепью к трактору, потом цепь пропускают вокруг шеи через кольцо и прикрепляют к другому трактору. Обе машины начинают двигаться в противоположных направлениях, и животные погибают от удушья.

Мистер Большая Шишка поджал губу, но тут же покачал головой:

– Да, весьма неприятно, однако... – Он поднял руку.

– Папа, ты этого не сделаешь!

Премьер-министр бросил недовольный взгляд на Ловкача и повернулся к дочери:

– Дорогая, ты должна понять: закон есть закон, а папина работа в том и состоит, чтобы проводить его в жизнь.

Девочка посмотрела на фотографию удушенного слона, потом перевела взгляд на Лолиту, неспешно пережевывающую пакетик с орехами, который выудила у одного из репортеров, и снова взглянула на отца.

– Ты чудовище! – Она пнула отца в голень остроносой кожаной туфелькой и, расплакавшись, выбежала из шатра. Проворные репортеры успели запечатлеть все сцену на пленку.

Ловкач кивнул премьер-министру:

– Сэр, вам нужно только подписать бумагу, и мы сможем и дальше убивать наших животных.

Рука, державшая ручку, опустилась.

– Мистер Веллингтон, не мне говорить вам, как неприличен ваш фокус. Подумайте только, что вы сделали с моей дочерью!

Ловкач пожал плечами:

– Я не отдаю приказаний убивать животных. Вам достаточно поставить свою подпись. – Он указал на документ.

Один из чиновников вышел из-за спины премьер-министра:

– Сэр, разве вы не видите, что он делает? Мы не вправе позволить ему вывезти животных за границу округа. Это насмешка над законом.

К первому присоединился второй:

– Сэр, их нельзя отправлять в заповедник. Мы стараемся сохранять зверей в их естественном, диком состоянии. Подумайте, как будет выглядеть в лесу цирковой слон!.. Я этого не допущу!

Мистер Большая Шишка нахмурился и посмотрел на документ, потом перевел взгляд на первого чиновника:

– А если разрешить перевозку животных на другую планету?

– Исключено. Животные окажутся в совершенно непривычных условиях. Поймите это, сэр.

Премьер-министр оглядел репортеров, посмотрел на фотографию задушенного слона, потер голень и еще раз перечитал документ. Потом снова бросил взгляд на репортеров и повернулся к первому чиновнику:

– Похоже, сэр, вы не понимаете кое-чего. Дело в том, что я выборное лицо, а вы назначенное. – Он бросил взгляд на фотографию. – Рискую предположить, что, когда наши друзья, представляющие четвертую власть... – мистер Франкль невесело усмехнулся, – поведают эту историю, я стану архизлодеем, достойным стоять рядом с Адольфом Гитлером. – Он покачал головой. – И все же...

Ловкач наклонился и шепнул что-то на ухо премьер-министру. Мистер Франкль задумчиво посмотрел на него, поджал губы и кивнул:

– Понимаю, но как...

Ловкач достал из кармана какой-то листок и протянул его премьер-министру. Тот прочитал бумагу, еще раз кивнул и подписал. Потом повернулся к первому чиновнику:

– Я только что дал разрешение на транспортировку этих животных с планеты.

Чиновник изумленно вскинул брови:

– Но, сэр, закон...

Мистер Большая Шишка откашлялся, посмотрел сначала на Ловкача, потом снова на чиновника.

– Ввиду того что на Земле условия содержания животных, обеспечиваемые этими людьми, являются неприемлемыми, а направление их в заповедники невозможно, так как они цирковые животные, я принял решение разрешить их транспортировку с планеты. В конце концов... – он кивнул Ловкачу, – цирк – самое подходящее место для цирковых животных, не так ли?

– Но...

Мистер Франкль поднял руку:

– Замолчите, Бикер. Через пять месяцев выборы. Как вы думаете, каковы будут мои шансы, если это случится? – Он показал фотографию.

– Сэр, есть вещи поважнее выборов!

– Для вас. – Премьер-министр вручил документ Ловкачу, повернулся и вышел, сопровождаемый свитой чиновников и репортерами.

О'Хара положил руку на плечо Ловкачу.

– Полагаю, ты объяснил ему, что слонов не убивают таким образом уже больше ста лет? Ловкач взглянул на документ, закрыл и тут же открыл глаза. Руки у него затряслись.

– Мистер Джон...

О'Хара подхватил его под руку, на помощь поспешил и Раскоряка.

– Ловкач, с тобой все в порядке?

Тот едва заметно кивнул:

– Посадите меня на что-нибудь, мистер Джон. Хотя бы на ведро. Весь день на ногах...

Ему помогли дойти до перевернутого ведра и осторожно опустили. Хозяин повернулся к дрессировщику:

– Приведи Костолома.

Ловкач поднял руку:

– Нет, Пони. Мне всего лишь нужно немного отдохнуть.

О'Хара тем не менее подал знак, и Рыжий Пони поспешил на поиски циркового врача.

Ловкач вздохнул:

– Мне просто нужно отдохнуть. Не думаю, что у Костолома найдется средство от недуга, который называется «когда тебе немного за тридцать».

О'Хара улыбнулся. «Немного за тридцать» Ловкачу было на протяжении по меньшей мере тридцати лет. Последние проблемы сильно подорвали уверенность этого немолодого законоведа, но сейчас, похоже, он начал приходить в себя.

– Ну вот, ты немного отдышался, а теперь тебе лучше прилечь.

Ловкач нахмурился, сложил подписанный премьер-министром документ, опустил его в нагрудный карман, а оттуда извлек другой лист бумаги.

– Не получится, мистер Джон. – Он протянул листок Хозяину. – Я всего лишь добился небольшой передышки. А вот этим придется заниматься вам.

Раскоряка встрепенулся:

– Что там еще?

О'Хара развернул листок – это оказалась телеграмма, – пробежал его глазами и посмотрел на Раскоряку:

– Наши боссы, Арнхайм и Бун... Они закрывают шоу. – О'Хара смял листок, швырнул его на землю и вылетел из шатра.

Раскоряка посмотрел на Ловкача:

– Что ты об этом думаешь?

Ловкач усмехнулся:

– Я тревожился, когда Хозяин хандрил. Именно это потрясло меня больше всего. Сейчас он в ярости. Так что я не спокоен.

2

– Поймите, мистер О'Хара, «Арнхайм и Бун конгломерейтед энтерпрайзис» не может позволить себе нести ответственность по долгам какого-то... цирка! – Бухгалтер уткнулся в свои записи, отыскивая нужные ему сведения, а О'Хара сурово оглядел шестнадцать членов правления, с безразличным видом сидевших за длинным столом из полированного оникса.

В этом зале с ослепительно белыми стенами и без окон Хозяин чувствовал себя как в клетке.

Бухгалтер поднял голову, оторвавшись от бумаг, и обвел взглядом собравшихся:

– Активы «Большого шоу О'Хары» были приобретены нами в 2137 году, когда произошло слияние с конгломератом «Таинко», занимавшимся шоу-бизнесом. С тех пор доход О'Хары составил пятьдесят шесть тысяч кредитов.

О'Хара развел руками, словно спрашивая: «Чего же вам еще нужно?»

– Видите?

Бухгалтер скорчил гримасу и продолжал:

– Это составляет менее половины процента от инвестиций. И в прошлом году... – он снова склонился над записями, – в прошлом году О'Хара сработал в убыток, потери составили сто восемьдесят семь тысяч...

– К порядку. – Один из шестнадцати поднял руку и повернулся к человеку, сидевшему во главе стола. – Карл, разве мы уже не проголосовали по этому вопросу? Не вижу смысла пережевывать одно и то же.

Карл Арнхайм кивнул:

– Вы совершенно правы, Сид, но Джон, то есть мистер О'Хара, отсутствовал, когда велись дебаты. Считаю, что будет правильно, если мы объясним ему причины исключения его из корпоративной организации.

О'Хара поднял руку:

– Я могу вставить слово?

Арнхайм кивнул:

– Конечно, можете, Джон, но вы же понимаете, что решение уже принято.

О'Хара опустил руки на край стола.

– Вы хотите сообщить мне, что просто закрываете шоу, да? И даже не попытаетесь продать его?

Арнхайм покачал головой:

– Покупателей нет, ни за какую цену. А теперь и правительство практически вас прикрыло. Что толку хлестать, так сказать, мертвую лошадь?

О'Хара закусил нижнюю губу.

– А что, если я его куплю?

Сидевшие вокруг стола захмыкали, закачали головами. Арнхайм откинулся на спинку стула, потер подбородок и повернулся к бухгалтеру:

– Милт, во что нам обойдется оплата долгов шоу и избавление от животных и оборудования?

Бухгалтер снова заглянул в свои бумажки:

– Чуть больше четверти миллиона кредитов. Разумеется, имея в виду то, что мистер О'Хара владеет тремя процентами капитала, «Арнхайм и Бун конгломерейтед энтерпрайзис» несет ответственность только за девяносто семь процентов. – Бухгалтер с явной озабоченностью посмотрел на О'Хару. – Мистер О'Хара, вам нужно понять, что никто не желает уничтожать ваш цирк, но вы не можете принять на себя всю полноту ответственности. – Он пожал плечами. – Так просто не делается.

О'Хара посмотрел на Арнхайма:

– Так что?

Арнхайм сцепил пальцы.

– О какой цифре вы думаете, Джон?

– Равный обмен. Вашу долю и все обязательства шоу.

Арнхайм оглядел членов правления.

– Джентльмены?

Кто-то кивнул:

– Лучшего предложения у нас не будет.

Его поддержал другой:

– Послушайте, берите и сваливайте куда подальше.

Арнхайм подвел черту:

– Все за то, чтобы принять предложение мистера О'Хары?

Проголосовали единогласно. Арнхайм повернулся к бухгалтеру:

– Очень хорошо. Милт, проследите, чтобы необходимые документы были подготовлены и вручены мистеру О'Харе в течение часа. – Он взглянул на Хозяина и покачал головой. – Объясните мне кое-что, Джон.

О'Хара пожал плечами:

– Постараюсь.

– Вы только что приняли на себя непосильный долг, практически изгнали себя с планеты, обрели себя и свое шоу на беспросветное будущее. Представить не в силах, куда вы отправитесь после Ангара. Богатых монархов не так уж много, и на одних только их днях рождения вам не продержаться. – Арнхайм развел руками. – И все это ради какого-то палаточного шоу... Вы можете сказать, зачем это вам надо?

Некоторое время О'Хара смотрел на Карла Арнхайма, подбирая нужные слова.

– Это болезнь.

3

Получив разрешение и документ на право собственности, О'Хара распорядился свернуть цирк и отправился со станции «Маниток» на межпланетный космодром в Оттаве, где его поджидал грузовой корабль «Вентура».

При погрузке необходимо принимать во внимание особые требования к безопасности животных и оборудования, а также соблюдать определенный порядок очередности. Все эти правила назубок знал главный конюх Сагтс по прозвищу Погонщик и его рабочие, но начальник грузового отсека торгового корабля «Вентура» Холк имел свои соображения, думая прежде всего о балансировке, ускорении, закреплении груза на случай свободного падения и так далее. После недолгих споров обе стороны пришли к соглашению, и на планету Ангар цирк прибыл в целости и сохранности, не считая больных голов и ушибленных коленок.

Так как до дня рождения Эркева IV оставалось еще три с лишним месяца, Хозяин принял решение отправиться сначала в Оссинид, небольшой городок примерно с двадцатипяти-тысячным населением, где и завершить сезон. Для того чтобы у исполнителей было время привыкнуть к условиям несколько меньшей гравитации, в расписание включили только вечернее представление.

Джек Крыса, занимавшийся разработкой маршрута шоу, стоял перед оснащенной громкоговорителем палаткой с надписью «Удивительный Озамунд». Зазывала, некоторое время наблюдавший за высокими, худыми, одетыми в унылые однообразные балахоны ангарианцами, толпившимися у входа, проговорил:

– Посмотри на них, Крыса. Я продал все билеты на «Оззи»; на другие представления свободных мест тоже нет. Все заходят, садятся, смотрят, встают и уходят. Ничего подобного в жизни не видел. Ни аплодисментов, ни единого хлопка, ни даже какого-нибудь одобрительного жеста. Сидят, словно они из гранита. И вот что я тебе скажу: Оззи это сильно не нравится.

Крыса кивнул:

– Продавцы билетов у главного входа распродали все уже час назад, а зарезервированные места были распроданы за неделю до нашего приезда. – Он посмотрел на группу ангарианцев, только что вышедших из шатра, где шло шоу уродцев, и повернулся к зазывале.

Говорун пожал плечами, потом покачал головой:

– Нет. Они просто ничего не делают. Пусть бы уж начали бросать гнилые помидоры. Хоть какая-то реакция. От этого молчания у меня аж мороз по коже. – Он повернулся налево, заметив, что зрители начали выходить из шатра, где выступал Удивительный Озамунд. – Ну что ж, пора за работу.

Зазывала подхватил бамбуковую трость, сдвинул на правый глаз соломенную шляпу и затараторил:

– Леди и джентльмены, здесь, в этой палатке, вас ждут самые ошеломляющие чудеса магии, которые сотворит Удивительный Озамунд. Он продемонстрирует...

Крыса отошел от палатки, и спустя несколько секунд за билетами уже выстроилась длинная очередь желающих посмотреть представление мага. Крыса покачал головой и собрался уходить, когда заметил приближающихся Хозяина и бригадира. Трое мужчин отошли в сторону и остановились между двумя палатками.

О'Хара оглянулся через плечо и, убедившись, что их никто не подслушивает, повернулся к Крысе:

– Ты что-нибудь узнал?

– Нет. Но у меня появилось такое чувство... Не знаю, что-то здесь не так.

О'Хара кивнул бригадиру:

– После представления пусть все останутся здесь. Зверинец и кухня тоже. Раскоряка уже предупредил наших бойцов.

Раскоряка взглянул на Хозяина:

– А как насчет этого Ларвуна, представителя монарха?

– Никак не могу объяснить ему, в чем дело. Рассказываю, но он только спрашивает, в чем трудность. – О'Хара пожал плечами. – Так или иначе, он обещал прислать кого-нибудь на всякий случай.

Крыса почувствовал, как что-то коснулось его ноги, посмотрел вниз и увидел лысова-того мужчину в строгом черном костюме, который вылезал из-под тента шатра, где выступал Удивительный Озамунд. Крыса схватил человека за шиворот и поднял на ноги. Это был сам Удивительный Озамунд.

– Оззи, ты что здесь делаешь?

Волшебник посмотрел поочередно на всех троих. В его глазах прыгали огоньки, лицо выражало отчаяние безумца.

– Ничего. Ничего! Эти остолопы приходят, садятся и плятятся на меня!.. Ни аплодисментов, ни ахов, ни охов! Пусть бы свистели, шикали, ругались! Я был бы только рад, если...

О'Хара схватил Оззи за руку:

– Что ты делаешь здесь?

Маг горько хохотнул:

– В данный момент, мистер Джон, я совершаю акт исчезновения. И я намерен довести его до конца. Исчезнуть!

Хозяин кивнул в сторону палатки:

– Сейчас ты вернешься туда, Оззи. Люди заплатили деньги, чтобы увидеть твоё представление, и ты доведешь его до конца.

– Мистер Джон, вы просто не представляете, каково это! Вы просто не...

– Возвращайся на сцену, Оззи, или я возьму вот этот четырехфутовый штырь и добавлю в твоё шоу кое-что новенькое!

Оззи нахмурился, заломил руки, глубоко вздохнул и лишь затем кивнул:

– Очень хорошо. – Он кивнул еще раз. – Очень хорошо. Волшебник опустил на короточки и полез под тент.

Хозяин повернулся к Раскоряке:

– Проверь с другой стороны. Присмотри, чтобы Оззи не скрылся.

Бригадир отправился в обход палатки, а Крыса развел руками.

– Извините, мистер Джон. Если бы я знал, что все так получится, я бы выбрал какое-нибудь другое место. Но не было ни малейшего намека...

Хозяин нахмурился и почесал затылок.

– Никаких проблем с получением разрешения? Никаких вымогательств?

– В Генеральном Агентстве по контролю мне сказали, что более легкого времени у них еще не было. Мы обо всем договорились: и об афишах, и о транспарантах. Не понимаю.

Зазвучала труба, и О'Хара наострил уши.

– До главного представления пять минут. – Он посмотрел на темнеющее небо. – Стемнеет еще до конца шоу. Надеюсь, этот ангарианец из дворца не заставит себя ждать.

О'Хара повернулся, собираясь уходить.

– Мистер Джон, а что делать мне?

О'Хара остановился и потер подбородок.

– Возьми у Раскоряки пару его «зубочисток» и постой с нашими бойцами. Может быть, пригодишься.

Крыса стоял в темноте вместе с грузчиками, рабочими и теми из исполнителей, что уже закончили выступление. Каждый держал в руке «зубочистку», как называл бригадир крепкие

четырёхфутовые деревянные штыри. Клоун, еще не смыв грим, подошел к группе, вооружился штырем и приблизился к Крысе, негромко ругаясь себе под нос.

– Ну что, Чолли, похоже, здесь собрались одни весельчаки. Такой публике достаточно палец показать.

Клоун сердито посмотрел на шатер:

– Мне приходилось встречать ребят поживее, это уж точно. – Он прислонил штырь к ноге и вытянул руки. Они немного тряслись. – Ты посмотри на это. Только посмотри! – Чолли опустил руки. – Ужасно. Эта публика тихая, как смерть. Они смотрят на тебя, словно из пустоты. Даже не мигают! – Клоун поднял штырь и постучал им по ладони. – Надеюсь, что-то будет. Надо же мне как-то разрядиться!

– А как другие?

Чолли покачал головой:

– Кто как. Кто-то плачет, забившись в уголок. Представляешь? Стенни, который выступал в самом начале, попытался вышибить себе мозги. – Он пожал плечами. – Бедняга не нашел ничего, кроме водяного пистолета. За ним сейчас присматривают.

Крыса вздохнул:

– Никогда не видел ничего подобного.

– Знаешь, Сэм всегда призывает зрителей притихнуть, когда Риегта делает пирамиду на проволоке.

– Ну да.

– Так вот, было так тихо, что Сэм не стал вмешиваться. Но это мертвое молчание так подействовало на Поля, что он разнервничался и чуть не свалился с проволоки. – Чолли снова постучал штырем по ладони. – Ну, пусть только начнут!..

Оркестр заиграл побыстрее, и Раскоряка выступил вперед, помахивая «зубочисткой».

– Внимание все! Музыканты заканчивают, так что приготовьтесь.

Крыса шагнул вперед.

– Раскоряка, этот парень из дворца уже появился?

Бригадир кивнул:

– Пришел... только что. – Он махнул рукой в сторону освещенного главного входа. – Зашел туда с Хозяином. – Раскоряка прислушался к музыке. – Ну, вот и все.

Все замерли в напряжении, сжав штыри. Музыка оборвалась, наступила мертвая тишина. Крыса почувствовал, как на лбу выступили капли пота.

Из шатра донеслись звуки – зрители поднимались с мест и двигались к выходу. Первым появился Хозяин с каким-то ангарианцем. О'Хара кивнул гостю, помахал ему рукой и повернулся к своим людям, затаившимся в темноте.

– Всем собраться в главном шатре. И оставьте «зубочистки». – Заметив их растерянность, он добавил: – Ну же! Шевелитесь! Ночь коротка.

Крыса бросил штырь на землю, другие последовали его примеру. О'Хара уже направился к главному шатру.

– Мистер Джон, что случилось?

– Не поверишь, пока сам не увидишь.

Они вошли и остановились у нижнего ряда стульев. Джек Крыса обратил внимание, что ангарианцы спустились с верхних рядов и расположились вокруг арены. Их лица напоминали каменные маски. О'Хара показал на освободившиеся сиденья:

– Поднимайтесь туда.

Они двинулись по проходу, и Крыса заметил, что многие исполнители уже там, в том числе и клоун Стенни. Как только все уселись, в шатре снова стало тихо как в гробу. Крыса толкнул О'Хару локтем:

– Что происходит?

– Ш-ш-ш. – О'Хара приложил палец к губам. – Просто смотри.

Ангарианцы, стоявшие вокруг арены, повернулись налево и начали медленно раскачиваться, тогда как другие, оставшиеся в центре шатра, запели. Чистые, звонкие голоса наполнили все пространство, поднимаясь все выше и выше. Те же, которые окружали арену, разбились на группы по четыре и закружились в каком-то странном, быстром танце. Вскоре свободное пространство между поющими и танцующими заполнили ангарианцы, исполнявшие сложные и достойные восхищения гимнастические упражнения. Несколько молодых парней даже соорудили шестиярусную пирамиду.

Пение стало громче, и танцующие вытащили откуда-то из-под одежд красные, синие, оранжевые и желтые шарфики. Размахивая ими, они продолжали свой удивительный танец, грациозный, стремительный и красочный.

Поразительный спектакль продолжался двадцать минут, после чего все его участники сгруппировались в центре шатра и вышли в ночь. Ангарианцы, оставшиеся на своих местах в зале, тоже поднялись и стали спускаться к выходу.

О'Хара взглянул на часы, потом посмотрел на Джека Крысу:

– Мы попали в яблочко, Крыса. Это хит!

– О чем это вы толкуете, мистер Джон?

– Все четыре группы выступали по двадцать пять минут каждая. У ангарианцев это равнозначно буре аплодисментов. Видишь ли, когда наши выступали, зрители молчали, чтобы ничего не пропустить. А теперь нам устроили овацию. – Хозяин сложил руки на груди и улыбнулся. – Думаю, у нас будет очень удачный сезон. И это хорошо.

По мере того как цирк катил все дальше по Ангару, зрителей собиралось все больше и больше. Мест на всех желающих посмотреть представление не хватало, и приходилось задерживаться на два-три дня. К тому времени, когда шоу докатилось до Даррасина, многие молодые ангарианцы приходили, чтобы помочь раскатать брезент, за что получали право бесплатного прохода на представление. Во время пребывания в Иолусе неизвестно откуда появившийся и столь же внезапно умчавшийся ураган в клочья изорвал тент главного шатра и расколол два из трех шестов. Через неделю местные торговцы заменили старые лохмотья новой, легкой и прочной тканью, а прежние, используемые с незапамятных времен шесты уступили место новым, гораздо более надежным. Но и тогда, когда представления проходили под открытым небом, публики не уменьшалось.

С течением дней все обратили внимание на перемены в поведении Хозяина. Он все чаще запирался в административном фургоне и просиживал там часами. Иногда случалось, что цирк даже переезжал на новое место, а О'Хара так и не выходил из фургона. В те редкие моменты, когда он допускал к себе кого-то, посетители обнаруживали Хозяина за столом, заваленным бумагами, книгами, планами, картами и таблицами.

После отъезда из Абитина Ловкач случайно встретил О'Хару, торопившегося из кухни к своему фургону. Погруженный в глубокое раздумье Хозяин даже не заметил юридического советника.

– Мистер Джон?

О'Хара остановился, хмуро огляделся и наконец наткнулся взглядом на Ловкача. В следующее мгновение его брови поползли вверх.

– О, это ты.

Теперь уже нахмурился Ловкач:

– Конечно, это я! Мистер Джон, вам бы лучше рассказать мне, что происходит. Если у нас неприятности, то мне следует быть в курсе.

Хозяин потряс головой:

– У нас нет неприятностей.

– Тогда в чем дело? Что вы вечно делаете в своем фургоне?

О'Хара взглянул на административный фургон, потом повернулся и посмотрел на шапито. На его лице появилось странное выражение.

– Ловкач, всю жизнь я только и делал, что старался сохранить шоу, сначала помогая отцу, теперь в одиночку.

Ловкач заметил, как дрогнули морщинки в уголках глаз О'Хары.

– Но дело не в том, чтобы поддержать шоу на плаву. Сам цирк почти на последнем издыхании. – Хозяин наморщил лоб. – Ты знаешь, что такое «Анни Оукли»?

– Стрелок?

– В ее честь они называются, но что это?

– Что?

– Компостеры.

Ловкач задумался, припоминая, потом махнул рукой.

– Компостеры? Бесплатные билеты? А какое отношение это имеет к Анни Оукли?

– Перед Анни Оукли бросали карту, и она выбирала очко, компостировала карту. А как еще называются бесплатные билеты, знаешь?

– Нет.

– Снежок, дукаты, контрамарки... у них с десятков названий. Да, мы поддерживаем шоу. Однако теряем цирк.

Хозяин кивнул, повернулся и торопливо зашагал к месту своего добровольного заточения.

– Но, мистер Джон, – крикнул ему вслед Ловкач. – Что вы делаете в фургоне?

– Спасая цирк, – ответил О'Хара и, поднявшись по ступенькам, исчез за дверью фургона.

Колокольчик Макгерк, казначей, оторвался от гроссбухов и подался вперед. Казалось, еще немного, и его длинный нос достанет до стола, за которым сидит Хозяин. Перед О'Харой высились стопки бумаг, старых вырезок и каких-то карт. Казначей хмыкнул, чтобы обратить на себя внимание. Когда это не помогло, он откашлялся. Других вариантов не было, и Макгерк подал голос:

– Мистер Джон?

– Что? – О'Хара даже не взглянул на него.

– Мистер Джон, похоже, мы покрыли наши долги.

Хозяин поднял голову, но тут же снова вернулся к бумагам.

– Ты так говоришь, Колокольчик, словно тебя это огорчает. – О'Хара улыбнулся. – Но именно поэтому я и взял на эту должность пессимиста. Лучше иметь деньги и не верить в это, чем не иметь и считать, что у тебя их полно. – Он оторвался наконец от дел. – Думаешь, нам удастся отработать с прибылью?

Казначей поднял правую бровь и в отчаянии развел руками:

– Едва ли.

– Ужасно.

Колокольчик покачал головой и уткнулся своим длинным носом в гроссбух.

Дорммададда, Балтия, Дхаст – везде шоу имело полные сборы, а тем временем день рождения монарха становился все ближе. Цирк уже повернул к Алмандии, главному городу Ангара. В Стинье, расположенной на окраине Алмандии, на площадку явился один молодой ангарианец, сопровождаемый четырьмя крепышами, похожими на телохранителей. Вместе с другими ангарианцами и подчиненными бригадира он тоже взялся за работу. Юноши растягивали тяжелый брезент центрального шатра, а Раскоряка, подойдя поближе, наблюдал за четырьмя молчаливыми крепышами. Черные рубашки и пояса не скрывали их могучих тел. Когда бригадир оказался рядом, они, словно по команде, повернулись к нему. Он кивнул, осмотрелся и приказал раскатывать следующий рулон. Оглянувшись, Раскоряка улыбнулся:

– Этот парень – что-то особенное?

Телохранители неуверенно переглянулись, один из них хмуро посмотрел на бригадира:
– Ничего особенного.

Раскоряка поджал губу:

– В таком случае могу я спросить, что вы здесь делаете?

Трое до сих пор молчавших повернулись к четвертому, который ответил Раскоряке, и отчаянно заговорили на своем языке. Пока они что-то обсуждали, бригадир приказал раскатать следующий рулон. Когда он повернулся к телохранителям, тот, что был у них, очевидно, за главного, спросил:

– Можно поступить в цирк?

Раскоряка ухмыльнулся:

– Хотите участвовать в шоу?

Парень кивнул.

Раскоряка потер подбородок и откинул голову.

– Что ж, по этому вопросу надо обратиться к Костылю Арло, он у нас занимается номерами. А что вы можете?

Телохранители заговорили о чем-то, а Раскоряка тем временем отвлекся по своим делам. Когда он вернулся, один из четверых поклонился ему:

– Наше представление.

Первый из парней схватил второго за руки и одним быстрым и ловким движением поднял его себе на плечи. Третий поставил ногу на сомкнутые ладони первого, подтянулся с помощью второго и в одно мгновение оказался на его плечах. То же повторилось с четвертым. Колонна получилась внушительная и довольно прочная на вид.

Раскоряка остановился перед пирамидой и одобрительно кивнул:

– Неплохо, но если вы хотите произвести впечатление на Костыля, надо придумать что-то еще.

Первый телохранитель нахмурился:

– Что-то еще? Бригадир кивнул:

– Где ваша эффектная концовка?

– Концовка?

– Да, то, чем вы заканчиваете свое выступление.

Первый телохранитель некоторое время молча смотрел на Раскоряку, затем улыбнулся:

– Концовка...

Он протянул руки, обхватил бригадира за пояс и поднял, передавая второму. Тот подхватил Раскоряку под мышки, подтянул и передал третьему напарнику. Не стоит говорить, что слова, слетавшие с языка бригадира на протяжении этой интермедии, не следует помещать на странице книги.

Как раз в этот момент Хозяин, уткнувшись в какие-то бумаги, проходил мимо бездельничавших рабочих и молодых ангарианцев. Он остановился и, заметив что-то неладное, поднял голову. О'Хара посмотрел на рабочих.

– Дурень Джо, в чем дело? Почему брезент до сих пор не растянут? Где Раскоряка?

Пятьдесят рук поднялись и указали на какую-то точку над головой О'Хары. Хозяин поднял голову и увидел ухмыляющегося ангарианца. Взгляд О'Хары скользнул выше – еще один ангарианец, еще выше – третий. Наконец он обнаружил Раскоряку, покачивающего на плечах четвертого.

– Что ты там делаешь?

– Я... я проверяю постановку, мистер Джон.

– Ладно, хватит дурачиться... все в порядке, займитесь делом.

– Первая попытка... мистер Джон.

О'Хара покачал головой, заглянул в свои бумаги и снова посмотрел на первого охранника.

– Кстати, у вас, ребята, неплохо получилось. Если вы свободны, то почему бы вам не заглянуть к нашему режиссеру-постановщику?

Телохранитель кивнул:

– Спасибо.

– Только сначала опустите на землю Раскоряку. У него много работы. – Хозяин повернулся и, уткнувшись в планы, зашагал прочь.

Первый охранник крикнул что-то, после чего четвертый приподнял Раскоряку за лодыжки, подал вперед и выпустил из рук. Короткий вскрик падающего бригадира оборвался, когда первый подхватил его на лету и осторожно поставил на землю. Гимнасты соскочили друг с друга и выстроились в шеренгу перед Раскорякой. Он сердито посмотрел на них, вытер ладонью пот с лица и, услышав смех, повернулся к рабочим. Огромный кулак взлетел над головой.

– Вы...

Не стоит говорить, что брезент был растянут в кратчайшее время. Молодые ангарианцы получили бесплатный пропуск на представление.

На следующий день цирк перебрался в Королевский зал Алмандии, чтобы дать представление по случаю дня рождения монарха. Для установки необходимого оборудования пришлось немного потрудиться, но усилия были по достоинству оценены его величеством Эркевом IV. Стоя у входа в зал, Раскоряка заметил четырех телохранителей, замерших у него за спиной. Как раз в этот момент монарх решил продемонстрировать свое искусство в верховой езде и, вскочив на лошадь, выехал на арену. Бригадир повернулся к первому охраннику:

– Вижу, вы не участвуете в шоу.

Телохранитель кивнул:

– Мы не свободны.

– А где парнишка?

Охранник нахмурился:

– Мы не можем сказать.

Раскоряка пожал плечами и повернулся к арене, на которой заканчивал свое шоу Эркев IV. Под аплодисменты землян монарх соскочил с лошади. Зал затих, на арену, кувыркаясь, вылетел клоун. В центре площадки он остановился, поклонился Эркеву и начал выделять такую акробатическую комедию, что кое-кто из зрителей не удержался от аплодисментов. Обернувшись, бригадир заметил, что телохранители внимательно наблюдают за клоуном.

– Это же тот парень, которого вы охраняли в Стинье!

Первый охранник кивнул:

– Сюрприз для монарха и вашей труппы.

– Кто он?

– Ахссиель, наследный принц Ангара.

Некоторое время Раскоряка наблюдал за принцем.

– Неплохо.

Охранник нахмурился:

– Отлично.

Бригадир кивнул:

– Я так и сказал.

Выступление перед Эркевом IV стало последним. Сезон завершился. Хозяин оставил шоу в Королевском зале, а сам отправился на Землю, захватив с собой казначея Макгерка, режиссера Арло, Ловкача и охапку документов.

4

Карл Арнхайм взял у бухгалтера компакт-диск, положил его на стол и лишь затем посмотрел на Хозяина:

– Итак, что я могу сделать для вас, мистер О'Хара? Сразу предупреждаю, что мы не позволим вам отказаться от заключенного нами соглашения.

О'Хара улыбнулся и уронил на стол перед Арнхаймом чип.

– Я всего лишь хотел показать вам вот это.

Арнхайм осторожно взял чип двумя пальцами, недоуменно осмотрел его и взглянул на собеседника:

– Что это?

– Финансовая отчетность цирка по итогам сезона на Ангаре.

– Мы не имеем никакого отношения к вашему цирку, с какой стати мне знакомиться со всем этим?

Улыбка О'Хары стала еще шире.

– У меня есть к вам предложение, но для начала вам все же следует посмотреть. Думаю, вы будете удивлены.

Арнхайм пожал плечами, вложил чип в считывающее устройство и посмотрел на появившиеся на экране цифры. Потом он приподнялся, нажал еще одну кнопку, прочитал информацию и, вскинув брови, повернулся к О'Харе.

– Аудиторская проверка?

О'Хара наклонился вперед и набрал код подтверждения аутентичности. Экран мигнул, потом на нем появились слова: «Аудиторская проверка проведена фирмой „Фортискьюл и Эммис“. Копия файла идентична оригиналу. Подтверждение».

Карл Арнхайм кивнул:

– Признаю, я удивлен. Согласно этим данным, вы не только рассчитались по всем огромным долгам предприятия, но и получили около полутора миллионов кредитов прибыли. Впечатлен. Но какое это имеет отношение к «АиБКЭ»?

– Я хочу, чтобы вы построили для меня звездолет. – О'Хара вытащил из кармана пачку бумаг и несколько чипов. – Все спецификации указаны здесь.

Арнхайм подвинул к себе документы, взглянул на представленные диаграммы, и брови его поползли вверх.

– У вас был хороший сезон, Джон, но не настолько же. Вы хоть представляете, сколько будет стоить такой космический корабль?

– Около восьмидесяти миллионов кредитов.

Карл Арнхайм кивнул:

– И где вы собираетесь взять такую кучу денег?

– У вас. – О'Хара сложил руки на груди. – Я хочу, чтобы вы построили для меня корабль в обмен на восьмидесятипроцентное участие в моем новом шоу. – Он указал на рассыпанные по столу чипы. – Здесь все данные, вся информация по новому проекту. Если вы ссудите мне деньги, я расплачусь с вами в течение пяти лет и вы получите десять процентов прибыли. Но если вы возьмете восемьдесят процентов, то ваши инвестиции будут ежегодно приносить доход в тридцать пять процентов. Ну, как?

Арнхайм потер подбородок, затем покачал головой:

– Как ни заманчиво это звучит, вам следует понять, что «АиБКЭ» не участвует в рискованных предприятиях. Что касается предоставления кредита в форме финансирования строительства, то... – Он развел руками. – Что я скажу департаменту акций? Тем более что вас хорошо знают. Восемьдесят миллионов – немалые деньги.

– Я не прошу у вас в долг ради моего послужного списка, моей чести и тому подобного. Проверьте выкладки...

– Джон, вы не хуже меня знаете, цирк не протянет долго. Это безнадежный бизнес. Что, если... – Арнхайм остановился, заметив, что бухгалтер пытается привлечь его внимание. – В чем дело, Милт?

– Карл, мы можем поговорить наедине?

– Конечно. – Он взглянул на О'Хару. – Извините нас, Джон, мы недолго.

Хозяин заметил, что дверь у него за спиной уже открылась.

– Конечно. Только не забудьте просмотреть эти чипы.

Арнхайм кивнул. О'Хара повернулся и вышел из комнаты. Дверь беззвучно закрылась за ним. В приемной его ждал худошавый мужчина в неудачно подобранном костюме.

– Успешно, мистер Джон?

О'Хара пожал плечами:

– Пока не знаю. Этот хорек, бухгалтер Милт Стоун, захотел о чем-то с ним поговорить. Предположим, нам удастся получить корабль. Сколько времени тебе понадобится, чтобы подготовить новые номера и набрать исполнителей?

Костыль Арло, режиссер-постановщик «Большого шоу», закатил глаза к потолку и молча зашевелил губами.

– По моим оценкам, месяц... может быть, шесть недель. Это в крайнем случае.

О'Хара кивнул:

– Хорошо. Если «АиБКЭ» решит взяться за дело, то на постройку корабля на их орбитальной верфи уйдет около трех месяцев. Составляя план, я попросил проектировщиков по мере возможности предусмотреть использование всех стандартных компонентов. А как с дополнительными животными?

– Этим занимается сейчас главный дрессировщик. По его словам, официальная политика категорически запрещает вывоз животных с Земли. Неофициально – деньги решают все.

Дверь офиса Арнхайма открылась, и из нее вышел бухгалтер с бумагами и чипами.

– Мистер О'Хара?

Хозяин нахмурился:

– Да?

– Нам придется тщательно все изучить, прежде чем подписывать какие-либо документы, но, похоже, корабль вы получите. Вы уже придумали ему название?

Некоторое время О'Хара стоял словно в оцепенении. Потом хлопнул Арло по плечу:

– Название? Будьте уверены, оно у меня есть. Он будет называться «Город Барабу»!

– Какое странное название. Что это означает?

О'Хара хлопнул бухгалтера по спине:

– Да уж конечно! Барабу, Висконсин... там родился величайший на Земле цирк – «Большая Берта», «Братья Ринглинг», «Барнум и Бейли Шоу»... И когда «Город Барабу» выйдет на звездную дорогу, он ни в чем не уступит «БР» и «ББ».

Бухгалтер кивнул и отодвинулся на шаг от О'Хары.

– Если вы хотите, чтобы все было готово как можно скорее, то мне лучше заняться делом.

5

В комнате, похожей на тысячи других, находящихся на бюджете государства – никаких излишеств! – лежавший на кровати старик поднял тарелку с обогащенной витаминными добавками овсянкой, подержал ее над полом, перевернул вверх дном и выпустил из пальцев. Дверь открылась, из-за нее просунулась голова сиделки приюта Баннис. Накрашенные губы расщепились в подобии улыбки, отчего слой пудры на щеках пошел трещинками.

– Ну-ну, мистер Болин, мы опять уронили нашу овсянку?

– Нет. – Абнер Болин сложил на груди худые руки.

Сиделка Баннис вплыла в комнату и посмотрела на пол.

– Как же так, мистер Болин? Мы уронили нашу кашку?

– Нет. Я уронил свою кашу. Ваша уже легла еще одним слоем жира на ваши изношенные покрывки.

Сиделка покачала головой:

– Ай, мы сегодня сердимся?.. Сейчас я пришлю уборщицу, чтобы она прибрала здесь, а потом покормлю вас сама. Знаю, ваши старческие пальчики уже не те, что были раньше.

– Засунь ее себе в ухо, чертова крыса! Только подойди ко мне с этой вонючей жижей, и я откушу твой толстый нос!

Продолжая качать головой, сиделка Баннис достала из-под мышки газету и положила на одеяло перед стариком.

– Вот ваш «Билборд», мистер Болин.

Он развернул газету и, укрывшись ею от женщины, пробормотал:

– Угу.

Сиделка постучала ногой по полу и сложила руки на груди.

– Мистер Болин, если вы и дальше будете капризничать, мне придется позвать доктора.

Болин опустил газету и взглянул поверх нее на женщину.

– Мне сказать, куда еще ты можешь запихать свою кашу, старая ведьма?

Сиделка опустила руки, покраснела и, повернувшись, поспешила к выходу. У двери она оглянулась и посмотрела на старика:

– Не понимаю, зачем вы тратите свое пособие на эту глупую газетенку. Вы уже слишком стары, и в любом случае никаких цирков больше нет. Давайте я отменю подписку. А вы сможете купить себе игры с вырезанием из бумаги. Многие наши пациенты находят их весьма занимательными...

Сухая рука со сморщенной кожей вынырнула из-за газеты, ухватила графин для воды из нержавеющей стали и швырнула его по направлению к двери. Ударившись о дверь, кувшин покатился по полу. Абнер Болин положил газету рядом, опустил пониже и откинул голову на подушку. Слезы щипали глаза, но он заставил себя сдержаться.

– Чертова карга!

Старик повернулся на правый бок и уставился в белую, пустую, гладкую стену. Перед глазами возник неясный, полустертый образ его прежнего – в пестром, красном с желтым, облачении, красном колпаке с колокольчиками. Тот Абнер танцевал и падал на арене, вызывая золотые взрывы смеха, который до сих пор стоял у него в ушах. Музыка завывала так, что волюнки умолкали от зависти, а нежные ушки прикрывались ладонями...

Он покачал головой, отгоняя воспоминания, и посмотрел на дверь. Сегодня – это сегодня, подумал старик, готовясь к очередной схватке с сиделкой Баннис. Дождаясь ее, поднял газету и перевернул страницу.

Доктор Хааг пригладил бородку и усы, нахмурился и остановился перед дверью.

– Нельзя же беспокоить меня из-за каждого каприза старых ворчунов, которые отказываются от своей овсянки, – недовольно проворчал он, поворачиваясь к сиделке Баннис.

– Доктор, мистер Болин стал буйным!

– Хм. – Доктор толкнул дверь. – Ну и где же он?

Сиделка Баннис осторожно вошла в комнату. Смятая постель была пуста, дверь туалета открыта, а газета валялась на полу. Доктор заглянул в туалет, а когда повернулся, сиделка уже поднимала газетный лист.

– Доктор Хааг! – пропыхтела она.

– В туалете никого нет. Вы что-то нашли?

– Посмотрите. – Толстый палец уткнулся в короткое объявление. Оно гласило: «Перу Абнер, где ты?»

– Что это значит?

Сиделка Баннис улыбнулась:

– Он сказал мне. Это значит, его разыскивает цирк. – Она прочитала заголовок и нахмурилась. – «Большое шоу О'Хары» в Нью-Йорке. Туда он и собрался. Нам следует... заявить о нем?

Хааг покачал головой:

– Он же не заключенный, а его место можно использовать. – Доктор повернулся и вышел из комнаты.

Сиделка Баннис еще раз перечитала объявление, смяла лист и прижала к своей могучей груди. Подумав немного, она кивнула:

– Это то, что вам нужно, мистер Болин. Хорошо.

Чу Ти Пин вошла в кабинет начальника с целой охапкой сообщений. Лю Ки Ван, ответственный за производство в «Нанкин индастриз», не успевал разбираться с бумажными делами.

Женщина нахмурилась – офис был пуст. И стены выглядели иначе. Фотография председателя Фана висела на привычном месте, но другие, изображавшие самого Лю балансирующим на двух шестах, и те, с круглоглазыми в странных костюмах, куда-то исчезли. Повернувшись к столу, она увидела стопку пустых рамок и газету. Присмотревшись внимательнее, Чу заметила, что газета на английском и что-то в ней обведено красным. Чу гордилась своим знанием английского, поэтому подошла поближе и прочитала отмеченное: «Люк Гук, где ты?»

В городке Стонтон, штат Виргиния, родители, притащившие своих сопливых отпрысков на урок верховой езды, обнаружили, что конюшня закрыта, а тренер исчез вместе с лошадьми. В Южном Уэльсе на смену не явились четверо братьев-шахтеров; их дом оказался пустым. В Германии, в санатории для страдающих ожирением, находился пациент, весивший 249 килограммов; в одно прекрасное утро он испарился, прихватив с собой огромные запасы колбасы. В Оттаве телекомпания Си-би-си объявила об отмене популярной детской программы «Капитан Билли и его ученые собаки». Полиция Лас-Вегаса сообщила, что продолжает поиски выступавшего в ночных клубах мима Антона Этрена, который, прервав представление, сошел со сцены, когда находившийся среди публики пьяница вдруг запел какую-то песню.

В Москве сержант охраны Горелов стоял навтыжку, обливаясь потом, перед начальником нового реабилитационного центра. Начальник смотрел на Горелова из-под густых черных бровей.

– Что вы имеете в виду – «исчез»?

Горелов развел руками.

– Товарищ начальник...

– Смирно!

Сержант замер.

– Товарищ начальник, заключенный Александр Колин отсутствовал при вечерней проверке. Его камера пуста.

– Его не было в камере? Как такое возможно? Или кто-то из вас, придурков, оставил дверь открытой?

– Нет, товарищ начальник. Дверь была заперта.

– А что записано камерой наблюдения?

Горелов облизал пересохшие губы.

– Запись показывает спящего заключенного, укрывшегося с головой одеялом. Когда он не встал к вечерней проверке, надзиратель вошел в камеру. Под одеялом обнаружена скомканная газета, которой придана форма лежащего человека.

– Газета?

– Да, товарищ начальник. Она пришла с утренней почтой сегодня утром. Я оставил ее в приемной.

Начальник кивнул, Горелов ринулся к двери, открыл ее, взял газету у дежурного и вернулся. Захлопнув за собой дверь, сержант протянул газету.

– Мятая, но не порванная, – заметил начальник.

Листы разложили на столе, и оба мужчины стали просматривать публикации. Упустили они всего лишь одну строку в разделе объявлений: «Увертливый Саша, где ты?»

Организация по наблюдению за животными сообщила о некотором уменьшении популяции слонов в Индийском заповеднике и незначительном сокращении численности некоторых других животных в Индийском и Африканском заповедниках, объяснив потери нехарактерной для сезона засухой.

В Олбани губернатор Нью-Йорка, войдя в кабинет своего пресс-секретаря, обнаружил, что его там нет. На письменном столе губернатор нашел впопыхах написанное заявление об отставке и вырезку из газеты со следующим объявлением: «Квак-Квак, где ты?»

6

Джон Норден смотрел из иллюминатора на звездолет, висевший в невесомости у стапелей орбитальной верфи. Крошечные, похожие на муравьев фигурки рабочих облепили стойки, прикрепляя к кораблю переходные шлюзы.

– Выглядит что надо, а?

Джон повернулся и увидел начальника верфи, протягивающего ему дымящуюся чашку кофе.

– Спасибо. – Он снова посмотрел на космический корабль. – Никогда не видел, чтобы ребята работали так слаженно. Когда я ставил эти штуки на место – ты знаешь, как это трудно, – мы не могли позволить себе ни малейшей ошибки. Понимаешь, что я имею в виду, Джейк?

Его собеседник кивнул:

– Я тоже в первый раз вижу такое. Мы намного опережаем график. Боюсь, если ничего не случится, мне придется на время снять несколько человек.

Джон хмыкнул.

– Только попробуй, Джейк.

– Да шучу-шучу... Скажи-ка мне, Джон... – Начальник верфи поскреб подбородок. – Откуда такой энтузиазм? Мы ведь и раньше строили военные корабли. И даже побольше этого. Помнишь «Отази»?

Джон отхлебнул кофе.

– «Город Барабу» – совсем другое дело, Джейк. Интересно, что «Барабу» спроектирован точно так же, как военный транспорт, – видишь тяжелые грузовые шаттлы? Но он предназначен для цирка. Его никогда не станут использовать для разрушений и убийств. Не скажу, что я пацифист – если бы был им, то не смог бы здесь работать, – но... не знаю.

– По-моему, я понимаю, что ты хочешь сказать.

– Джейк, не знаешь, были ли санкционированы распоряжения на установку специального оборудования? Если не считать кое-каких мелочей и пробного полета, корабль практически готов.

Начальник верфи покачал головой:

– Нет. Все необходимое уже получено, осталось только установить.

– А разве у нас нет заказа на военный транспорт? Компания сэкономила бы кучу денег, если бы мы построили два корабля, этот и транспорт, в одно время.

Джейк пожал плечами:

– Насколько мне известно, сделку то ли отложили, то ли она сорвалась. Головной офис нажил себе кучу неприятностей из-за того, что ведет дела с Нуумианской империей. Профсоюз тоже собирался выступать против. Не думаю, что «АиБКЭ» нуждается в такой рекламе. А пресса может это устроить.

Джон еще раз посмотрел на «Город Барабу»:

– Джейк, я хочу сегодня уйти пораньше.

– Конечно. Работы осталось всего ничего, так что ты мне не нужен. Проблемы дома?

Не сводя глаз с корабля, Джон покачал головой:

– Точно не знаю.

Джон О'Хара ткнул казначея в плечо.

– Эй, Колокольчик, теперь мы покатаемся веселее.

Макгерк невесело посмотрел на Хозяина:

– Если вы называете пустые счета в банке «покатаемся веселее», мистер Джон... Деньги, заработанные за сезон на Ангаре, позволят нам всего лишь остаться при своих.

– Так это же хорошо!

– А такой небольшой вопрос: как расплатиться за «Город Барабу»?

– Фу! Стоит нам только выйти на звездную дорогу, и мы расплатимся за этот ящик в течение пяти лет. – О'Хара повернулся к двери арендованного им офиса. – Колокольчик, тебе следует посмотреть наши будущие номера! Люди стекаются отовсюду. Ты помнишь Вако-Вако?

– Конечно. Парень выступал с питонами. – Казначей пожегся.

– Не поверишь! Он преподавал в какой-то школе на планете Ссендисс, а сейчас уже едет сюда с двадцатью змеями. На этом Ссендиссе змей полным-полно, они там главное. Но какой номер!..

Макгерк покачал головой:

– Я лучше отправлюсь в банк. У нас есть неоплаченные счета, и в банке немного нервничают.

– Оплатим, не бойся!.. Такого жуткого зверинца мне видеть не приходилось!

Казначей улыбнулся:

– Вы все еще молоды, мистер Джон. Для старика, конечно.

Когда Макгерк ушел, О'Хара нахмурился, пожал плечами и открыл вторую дверь. За столом Хозяина, заваленным бумагами и планами, сидел молодой человек. Откинувшись на спинку стула и положив ноги на стол, он кивнул:

– Вы, должно быть, Джон О'Хара.

– Так оно и есть. А кто, черт возьми, вы? И почему вы положили ноги на мой стол?

Молодой человек убрал ноги со стола и сел, подавшись вперед и опершись локтями о крышку.

– Меня зовут Джон Норден. Я работаю на верфи «АиБКЭ».

О'Хара поджал губы и опустил на второй стул:

– Какие-то проблемы?

– Если назвать проблемой то, что вы вот-вот потеряете корабль.

О'Хара встал:

– Объясните.

Джон посмотрел на него:

– Ставлю миллион кредитов против пригоршни болтов, что у вас нет документов на право собственности в отношении «Города Барабу».

– Нет. Пока я не заплачу за него.

– А когда заплатите?

О'Хара фыркнул:

– Сынок, это не твое дело!

– А я вот что скажу вам, дедуля. Если не выложите восемьдесят миллионов кредитов наличными, вы корабль потеряете. «АиБКЭ», используя вас для прикрытия, строит военный транспорт для Нуумианской империи. План состоит в том, чтобы продать им корабль, получить наличные и покончить с этим делом, прежде чем о нем узнают правительство, люди Земли и мой профсоюз. Когда их поставят перед свершившимся фактом, все пожмут плечами и разбредутся по домам, а «АиБКЭ» положит в карман кучу денег. Зацепило, дедуля?

О'Хара опустил на стул.

– Откуда вам это известно?

– Я работаю на верфи. В настоящий момент «Город Барабу» комплектуют как военный транспорт. Заказанное вами специальное оборудование не устанавливается. Я немного покопал и выяснил кое-что интересное. Все устройства, необходимые для превращения корабля в боевой, уже находятся на складах верфи. По-моему, после продажи военное снаряжение будет перегружено на борт и установлено по дороге к Нуумии.

– Но у «АиБКЭ» соглашение со мной!

Джон кивнул:

– Вы обещаете им восемьдесят миллионов, они обещают вам корабль. Но ведь вы пока еще ничего не заплатили, так? Думаю, «АиБКЭ» и не надеялась, что вы заплатите. Однако строительство корабля-цирка – хорошее прикрытия для строительства боевого звездолета. – Джон снова откинулся на спинку стула. – Ну, что собираетесь делать?

– Ты свободен, сынок?

– Нужна ли мне работа? Полагаю, она скоро мне понадобится. Что вы придумали?

– Кораблю понадобится экипаж.

Гость покачал головой:

– Вы надеетесь остановить «АиБКЭ» с помощью адвоката? Или армии адвокатов?

– Теперь моя очередь научить тебя кой-чему, сынок. Мы не станем жаловаться. Мы провернем все сами. Итак, тебя интересует работа?

7

Джон Норден сидел ссутулившись в кресле и смотрел на Ловкача, расхаживавшего по ковру в номере отеля. Ковер, казалось, вот-вот вспыхнет. Длинный, худой, одетый в черное Ловкач то смыкал руки за спиной, то размахивал ими, складывал их на груди, останавливался, качал головой и наконец повернулся к Нордену.

– Интересно, мистер Джон когда-нибудь задумывается над тем, не слишком ли многого он от меня хочет?

Норден улыбнулся и пожал плечами:

– Я и сам здесь новенький.

– Ба! – Ловкач беспомощно опустил руки и снова заходил по комнате. Он закладывал руки за голову, бормотал что-то себе под нос, хмурился, выругался пару раз и в конце концов остановился перед заваленным бумагами кофейным столиком. Поднял договор между О'Харой и «АиБКЭ», пробежал его глазами, подобрал незаконченный регистрационный сертификат. Бросил оба документа на стол. – Ба! – Снова заходил по комнате, потом остановился и обратился к Нордену: – Видите ли, мистер Норден, у Хозяина есть мечта. Хм-м, мечта... Он уже не хочет довольствоваться тем, чтобы зарабатывать на жизнь цирком, он собирается облететь весь Квадрант, может быть, даже всю Галактику! И ради этого готов настроить против себя одну из крупнейших на Земле корпораций и самую могучую военную державу! – Ловкач вытянул руки и потряс ими. – Нет! Он хочет, чтобы я перехитрил их!.. А вообще, что вы здесь делаете?

– Мистер О'Хара сказал, что я должен помочь вам, чем смогу.

– Помочь? Помочь? Как?

Норден пожал плечами:

– Он сказал, что кораблю нужен экипаж. Я, например, по специальности судовой инженер.

– Экипаж? Неужто он не знает, что, прежде чем набирать экипаж, надо иметь корабль? Что он намерен сделать – захватить «Барабу»?

– Недурная мысль.

– Что?!

– Я сказал, недурная мысль. На верфи хватает ребят, способных управлять кораблем. У нас здесь есть даже пилот шаттла, Вилли Куган. Весьма квалифицированный специалист.

Ловкач присел на край диванчика около кофейного столика и потер подбородок.

– А они захотят?

– Захотят что?

– Угнать корабль.

Норден рассмеялся и покачал головой:

– Да я же пошутил!

– Но захотят ли они? Сумеете ли вы уговорить их?

– Не знаю, как вы, приятель, но в мои планы не входит провести остаток жизни в исправительной колонии. Все Адмиралтейство навалится на нас, как тонна стали.

Ловкач откинулся на спинку дивана, скрестил ноги и сложил руки на груди.

– Небольшая деталь, дружок, небольшая деталь... Если я дам гарантию, что никто из вас не попадет в тюрьму, сможете ли вы уговорить команду захватить – извините – взять корабль?

Норден нахмурился, внимательно посмотрел на своего собеседника и кивнул:

– Пожалуй. Моему союзу никогда не нравилась идея строить корабли для нуумианцев. Но как вам удастся спасти нас от тюрьмы?

Ловкач подался вперед, похлопал по бумагам, сваленным на столике, и ловко выхватил из стопки один лист.

– Давайте сначала посмотрим, что может представить это шоу.

Норден беспокойно заерзал, потом подался вперед.

– А не лучше ли пригласить юриста, чтобы он поработал над вопросом?

Ловкач вскинул голову, сердито взглянул на Нордена поверх листа и снова уткнулся в бумаги:

– Хм!

Арнхайм посмотрел на нуумианского посланника, сидевшего в кресле напротив. Накинутый на голову капюшон наполовину скрывал лицо нуумианца, но Арнхайм чувствовал на себе презрительный взгляд холодных глаз, смотревших на него как на букашку. Посланник вытянул руку в направлении Арнхайма, и серый рукав сдвинулся, обнажая голубовато-зеленую четырехпалую руку.

– Мистер Арнхайм, когда мы можем рассчитывать на получение транспорта?

– Через шесть дней, посланник Сум. Нужно еще смонтировать фитинги и провести полетные испытания. После этого он ваш. Команда готова?

Посланник утвердительно махнул рукой:

– Команда находится на одном из наших крейсеров, ожидающих сигнала в нейтральном пространстве. Вы понимаете, мистер Арнхайм, именно ваш экипаж должен вывести корабль за границу Солнечной Контрольной Зоны?

– Да...

Дверь кабинета с легким шипением открылась, и в комнату вбежала секретарша. Плающие щеки и насупленные брови выдавали ее смятение.

– Мистер Арнхайм...

Арнхайм поднялся из-за стола:

– Что, Джанис?

Секретарша кивнула нуумианцу и повернулась к своему боссу:

– Извините, но вам нужно незамедлительно взглянуть вот на это.

Арнхайм склонил голову перед посланником Сумом:

– Пожалуйста, извините меня.

Он взял из дрожащих пальцев Джанис листок и начал читать. Брови его поползли на лоб после первых же слов.

– Чья-то глупая шутка?..

Посланник Сум встал:

– Если вам нужно побыть одному, мистер Арнхайм...

Арнхайм остановил его.

– Нет... нет, посланник Сум. Это касается также и вас. О'Хара... предъявил мне чек на восемьдесят миллионов кредитов. – Он помахал листком. – О'Хара получил документы на право собственности. – Арнхайм повернулся к секретарше. – Печать на чеке... она еще влажная!

Посланник Сум убрал руки в широкие рукава.

– Мне показалось, вы говорили, что этот О'Хара не успеет найти деньги за столь короткое время.

Арнхайм нахмурился:

– Разумеется! Посмотрите, чек выписан Первым национальным банком «Города Барабу». Это же название корабля!

Он протянул руку и нажал кнопку коммуникатора. В этот же момент ожил экран, на котором появилось лицо суперинтенданта орбитальной верфи.

– Йетс! Вы-то мне и нужны. Насчет корабля...

Мужчина на экране покачал головой:

– Его уже нет, мистер Арнхайм.

– Нет?

– Нет.

– То есть как? Куда он мог подеваться?

– Один из шаттлов, посланных нами два дня назад за топливом и продовольствием, вернулся несколько часов назад. С ним прилетел мужчина – его фамилия Веллингтон, высокий, худой, одет в черное, – который предъявил должным образом оформленные регистрационные документы. Потом его команда разгрузила корабль и получила разрешение покинуть верфь. Они пристыковали шаттл, взяли на борт экипаж и рабочих с верфи и улетели.

– Рабочих с верфи? Вы хотите сказать, что он забрал мою рабочую бригаду?

– Да, мистер Арнхайм. Я бы связался с вами раньше, но возникли какие-то странные помехи...

– Заткнитесь, Йетс! – Арнхайм нахмурился, на секунду опустил глаза, потом снова взглянул на экран. – Йетс, остальные девять шаттлов... где они?

Человек на экране пожал плечами:

– Насколько знаю, мистер Арнхайм, они еще под погрузкой.

Не говоря ни слова, Арнхайм отключил связь, спокойно набрал какой-то код и стал ждать ответа. Теперь на экране возникло молодое улыбающееся лицо.

– Восточный региональный космопорт. Чем могу помочь вам?

– Дайте мне грузовой терминал. – Арнхайм повернулся к посланнику. – О'Хара и его банда находятся в отеле возле Восточного...

– Грузовой терминал.

– Мне нужен управляющий.

– К вашим услугам.

– Я Карл Арнхайм. Шаттлы с верфи «АиБКЭ»...

– О, так вы Карл Арнхайм! – Управляющий улыбнулся. – Что ж, сэр, скажу вам, я никогда не видел столь четкой работы. Шаттлы только пристыковались, как их тут же загрузили. На все ушло полтора часа. Эти ребята из цирка определенно знают свое дело и...

– Где шаттлы?

– Как... улетели более часа назад...

Арнхайм нажал кнопку и набрал очередной код. Ожидая ответа, он повернулся к нуумианцу.

– Посланник Сум, ваш корабль готов преследовать «Город Барабу»?

– Да.

Экран вспыхнул.

– Офис Адмиралтейства Девятого Квадранта.

– Говорит Карл Арнхайм. У меня захватили корабль. Мне нужен судебный исполнитель. Через десять минут он должен быть в Восточном региональном терминале. О транспорте я позаботился.

– Да, мистер Арнхайм. Вам потребуется рота усиления?

Арнхайм бросил взгляд на посланника. Нуумианец жестом попросил убрать звук. Когда Арнхайм сделал это, Сум сказал:

– Так будет лучше, мистер Арнхайм, если дело дойдет до убийства, пусть ответственность ляжет на власти Квадранта.

Арнхайм повернулся к экрану и включил звук.

– Да. Все необходимые документы у меня с собой. – Он отключил коммуникатор и снова обратился к посланнику: – Половина людей О'Хары все еще на Ангаре. Именно туда он и направится.

– Вы тоже летите, мистер Арнхайм?

Арнхайм усмехнулся:

– Никто – а когда я говорю «никто», я именно это и имею в виду – не смеет совать мне липовый чек на восемьдесят миллионов кредитов! Я лечу!

Когда шаттл пошел на сближение с «Барабу», Ловкач и Джон Норден, только что получивший кличку Пират, перешли в пилотскую кабину. Хозяин сидел в кресле второго пилота, глядя в крошечный иллюминатор. Услышав шипение двери, он повернулся навстречу входящим.

Обратив внимание, что глаза Хозяина покраснели от усталости и напряжения, Ловкач нахмурился:

– Что-то не так, Джон?

О'Хара кивнул на иллюминатор, в котором виднелась Земля:

– Перед погрузкой я совершил небольшую прогулку туда, где когда-то стоял старый Мэдисон-сквер-гарден¹. Знаете, почему некоторые артисты называют главный вход на цирковую площадку Восьмой авеню, а другие входы – названиями улиц? Старый Гарден находился между Восьмой и Девятой авеню и Пятидесятой и Сорок девятой. Главный вход был со стороны Восьмой авеню. «БР» и «ББ» обычно начинали свои сезоны именно там, а уже потом пускались в путь. Люди, работавшие в цирке, привыкли называть входы на площадку в память об улицах, окружавших Гарден. – Хозяин покачал головой. – Того цирка уже нет, нет и Гардена. – Он печально посмотрел на Веллингтона и Нордена. – Улицы на месте, но это все, что осталось.

О'Хара снова повернулся к иллюминатору:

– Когда я был мальчишкой, а цирком управлял мой отец, он всегда приказывал выгружать лошадей и фургоны милях в десяти от места стоянки. Хозяин ехал дальше в легкой коляске, за ним на первом фургоне главный конюх вез в клетке Тихоню Данна, Дикаря из Джунглей и красивого, огромного сибирского тигра, который обычно спал с Тихоней. Но в клетке Тихоня Данн всегда усаживался в одном углу, а тигр сворачивался в другом. Они шипели, рычали друг на друга, а иногда даже дрались.

Дальше следовали другие повозки с клетками, каждую тянули по восемь лошадей. Потом шли остальные фургоны. На них стояли зеркала, стены были разрисованы изображениями клоунов и животных, а по краям – золотыми листьями. Дальше располагались фургоны со всем багажом, которые тащили быки, их иногда впрягали до двадцати. Потом опять фургоны с артистами, а замыкала процессию повозка с так называемым лошадиным фортепьяно.

За караваном всегда бежали дети. Как будто... как будто само прохождение цирка заставляло землю извергать из себя целый парад детей. Где мы были – не имело никакого значения. Зачастую фургоны снимали с платформ в какой-то пустоши, но уже несколько минут спустя на дороге появлялись люди. Они махали руками, смеялись, а их глаза сияли от радости...

О'Хара отвернулся к иллюминатору.

– Земля осталась без цирка, а у цирка больше нет Земли. И у меня такое чувство – я никак не могу от него отделаться, – что и то и другое стали немного меньше.

Ловкач мигнул – слезы застилали глаза – и тоже посмотрел в иллюминатор на яркую точку в черной бездне космоса, которая скоро разрастется и превратится в «Город Барабу». Давным-давно в фургонах позади старого Хозяина и его розовощекого сына сидел и он. Ловкач посмотрел на О'Хару и еще раз кивнул, теперь уже самому себе. Он начал понимать, что имел в виду Хозяин, когда говорил о спасении цирка.

---

¹ Нью-йоркский концертно-спортивный комплекс

8

Линейный крейсер Нуумианской империи вышел на орбиту вокруг Ангара после недельного преследования и уже через несколько секунд оцетинился орудиями и сенсорами. «Город Барабу» был незамедлительно обнаружен на стационарной орбите, и к нему отправили шаттл. Находившийся на борту шаттла судебный исполнитель Али посмотрел на разгоряченного, кипящего от злости Карла Арнхайма и перевел взгляд на невозмутимого, спокойного как камень нуумианского посланника.

Вошедший в отсек командира роты усиления капитан Грин кивнул Арнхайму и Суму и повернулся к Али:

– Все готово.

Али пожал плечами:

– Они, похоже, настроены мирно, но на всякий случай держитесь наготове. Мы не знаем, чего от них ожидать... – он перевел взгляд на нуумианца, – да и от них тоже.

Второй пилот нуумианского шаттла вошел в отсек и, поклонившись посланнику, сказал ему что-то на своем языке, после чего повернулся и вышел.

– Идем на стыковку, – сообщил Сум, обращаясь ко всем. – Мне доложили, что для выхода будет использован шлюз кормового отделения.

Шаттл едва заметно задрожал, затем послышался металлический щелчок – шлюзовые замки встали на место.

Али похлопал Грина по плечу:

– Пошли.

Все перешли в кормовой отсек и встали у выхода, где уже находились тридцать солдат роты усиления капитана Грина. Каждый солдат был защищен бронированным скафандром и имел на вооружении внушительный арсенал боевых средств. Как только над дверью переходного шлюза вспыхнул зеленый свет, капитан Грин кивнул своим подчиненным, и те, повернув колесо, навалились на дверь.

На «Барабу» их уже ждали. Высокий и худой, одетый в черный костюм мужчина сделал шаг вперед.

– Добро пожаловать на борт «Города Барабу», господа. Меня зовут Артур Бернсайд Веллингтон. Я юридический советник «Большого шоу О'Хары».

Пробившись вперед, Арнхайм остановился перед человеком в черном и ткнул пальцем в сторону Веллингтона:

– Это он! Тот, кто угнал корабль. Пират!.. Чего вы ждете? Арестуйте его!

Ловкач удивленно вскинул брови:

– Неужели это вы, мистер Арнхайм? Как хорошо, что вы здесь. Не могу обойтись без комплиментов. Ваша компания проделала отличную работу, все так говорят. Корабль просто замечательный.

Указующий перст мистера Арнхайма задрожал.

– Арестуйте его! – взвизгнул бизнесмен, повернувшись к судебному исполнителю.

Али кивнул Грину, который, в свою очередь, не желая накалять обстановку, отвел пару своих солдат на несколько шагов назад.

– Похоже, мистер Веллингтон, – сказал Али, – возникли некоторые сомнения относительно того, кому принадлежит этот корабль.

Ловкач нахмурился и покачал головой:

– Поразительно, как такое случилось? В соглашении ясно сказано, что право собственности на «Город Барабу» полностью переходит к мистеру О'Харе после того, как корабль будет

оплачен. – Он опустил руку в карман пиджака. – У меня имеется нотариально заверенное подтверждение того, что платежные документы поступили в офис «АиБКЭ» и приняты там.

Али улыбнулся:

– Есть определенные сомнения в подлинности чека, мистер Веллингтон.

– Сомнения!.. – Арнхайм рванулся вперед и подбежал к Али. – Этот чек недействителен. Первого национального банка «Города Барабу» просто не существует, а если он и существует, то не законен. Где он зарегистрирован?

Ловкач пожал плечами:

– Банк существует и зарегистрирован у нас. «Барабу» имеет право учредить банк, так как является независимым судном. Здесь, на борту, действуют наши собственные законы.

– Смехотворно! – Арнхайм повернулся к Али. – Скажите ему об этом, не молчите, а потом арестуйте всю эту банду пиратов!

Али покачал головой:

– Такой закон существует, мистер Арнхайм. Его приняли несколько лет назад, чтобы устранить сложности, связанные со взаимоотношениями между кораблем и планетой или страной, посещаемыми им относительно редко.

Арнхайм открыл папку и вынул из нее желтоватый кусочек бумаги.

– Тогда как быть с этим чеком? Если он недействителен, то у вас нет никакого права собственности!

Ловкач потер подбородок.

– Вы пытались его обналить?

– Конечно, нет!

– Так попробуйте, – предложил Ловкач. – Если вы предъявите чек к оплате, ваш банкир отправит его в центральную расчетную палату, затем дальше, к нам, и вы получите свои деньги. Если вы не придерживались обычной процедуры, то не надо винить во всем нас.

Али взглянул на бизнесмена:

– Итак, мистер Арнхайм?

– Если бы я всем этим занимался, кто знает, куда они успели бы улететь! А если бы чек возвратили из-за отсутствия средств на счету плательщика?

– Поймите, мистер Арнхайм, я ничего не могу предпринять, пока чек не возвращен.

Арнхайм нетерпеливо постучал ногой по полу и, подумав, кивнул:

– Хорошо. – Он повернулся к Ловкачу. – Покажите мне, где находится банк «Барабу». Я хочу обналить чек. Ловкач взглянул на часы и покачал головой:

– Мне очень жаль, мистер Арнхайм, но уже четвертый час, и банк закрыт.

Али сложил руки на груди.

– Мистер Веллингтон, случай особый, и, может быть, ваш банк сделает исключение?

Ловкач внимательно посмотрел на судебного исполнителя и улыбнулся:

– Конечно. Джентльмены, будьте добры проследовать за мной. – Он повернулся, открыл дверь переходного отсека и, пройдя несколько шагов по коридору, остановился у двери с табличкой, которая гласила: «Первый национальный банк „Города Барабу“»

Панель с шипением отошла в сторону; Ловкач, Арнхайм, Али, Сум и капитан Грин вошли в помещение банка. В комнате не было ничего, за исключением складного стола и стула. На столе стояла дешевая жестяная банка. Ловкач пододвинул стул, уселся, скрестил руки на груди и улыбнулся Арнхайму:

– Чем могу помочь вам, сэр?

Арнхайм швырнул чек на стол:

– Обналичьте!

Ловкач посмотрел на чек, перевернул его и подтолкнул в сторону Арнхайма.

– Вы видите? – воскликнул бизнесмен, хватая Али за руку. – Он отказывается принять чек!

Ловкач откашлялся.

– Сэр, вы забыли поставить на нем свою подпись.

Арнхайм медленно вытащил из кармана ручку, наклонился над столом, расписался и толкнул чек Веллингтону:

– Обналичьте!

Человек за столом внимательно изучил чек.

– Ну и ну, кругленькая сумма. Вы уверены, что не хотите получить вексель, который можно депонировать на Земле?

– Наличные.

– Не желаете открыть у нас счет? Наши процентные ставки наверняка заинтересуют вас и...

– Наличные! Немедленно!

Ловкач пододвинул к себе банку и еще раз взглянул на красного от злости Арнхайма.

– При открытии нового счета вы получаете в подарок набор столовой посуды, сэр.

– Деньги!!! – Арнхайм несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. – Сейчас. Немедленно.

Обналичьте мой чек.

Ловкач пожал плечами и открыл банку. Его левая рука опустилась в жестянку и извлекла оттуда несколько смятых кредитов.

– Надеюсь, миллионные купюры вас устроят, сэр? Меньших мы не держим. Один, два, три...

Арнхайм протянул руку, взял одну из купюр и изумленно поднес ее к глазам. Потом протянул Али:

– Это явная подделка! Взгляните!

– ...семь, восемь, девять, десять...

Судебный исполнитель внимательно осмотрел купюру и передал Арнхайму:

– Уверяю вас, она настоящая.

Арнхайм в ужасе взглянул на Ловкача, который не спеша отсчитывал деньги.

– ...пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

– Этого не может быть!

Али пожал плечами и улыбнулся:

– Может. Извините.

Вперед выступил посланник Сум.

– Мистер Али, означает ли это, что мистер Арнхайм не вступает во владение кораблем?

– Если здесь еще семьдесят девять таких же клочков бумаги, как этот, то да, не вступает. –

Али предостерегающе посмотрел на нуумианца. – Советую вам проявлять благоразумие.

– ...пятьдесят один, пятьдесят два, пятьдесят три...

Все не отрываясь наблюдали за Ловкачом.

– ...семьдесят восемь, семьдесят девять, восемьдесят. Ну, вот и все, сэр. Уверены, что наши предложения вас не интересуют? У нас есть особые счета, так сказать, на черный день...

Арнхайм сгреб купюры, дважды пересчитал их, после чего сунул в карман пиджака.

– Скажите О'Харе, что это еще не все!

Ловкач улыбнулся:

– О, значит, вы все же откроете у нас счет? Есть прекрасные варианты. Рождественский...

Арнхайма, казалось, вот-вот хватит удар. Али и двое солдат вывели его из комнаты. Когда все остальные уже вернулись на шаттл, судебный исполнитель, задержавшись, спросил:

– Мистер Веллингтон, позвольте один вопрос?

Ловкач закрыл банку и поднял голову:

– Да?

– Между нами, где вы достали восемьдесят миллионов кредитов?

– Вам, наверное, будет интересно познакомиться с президентом Первого национального банка «Города Барабу».

Задняя дверь открылась, и в комнату вошел невысокого роста человек в клоунском наряде и гриме. Некоторое время Али вглядывался в незнакомца и наконец понял, что перед ним не человек.

– Позвольте представить. Его королевское величество, принц Ахссиель, наследник Эркева IV, монарха Ангара. Кроме того, он член нашей труппы. Его отец – самый крупный и, должен признаться, единственный вкладчик. Ваше высочество, это судебный исполнитель Али из Девятого отдела Адмиралтейства.

Принц поклонился и тут же выпрямился.

– Рад познакомиться с вами.

Али посмотрел на Ловкача, потом снова на принца.

– Ваше высочество, как этим людям удалось уговорить вашего отца дать им восемьдесят миллионов кредитов?

Принц покачал головой:

– Нет. Это вклад, и я нахожусь здесь, чтобы присматривать за деньгами отца. Я президент. Отец сказал, что будущему монарху стоит научиться этой профессии. – Он кивком указал на Ловкача. – После того, как мистер Веллингтон поведал монарху свой прожект, тот сказал также, что путешествие с таким человеком и необычно, и очень ценно для будущего правителя.

Ловкач нахмурился, сложил руки на груди и фыркнул.

– Ваше величество, я не называл бы это прожектом.

– Извините, я уже вспомнил. – Принц улыбнулся Али. – Это не прожект, это деловое предложение. Но самое лучшее во всем этом то, что я буду учиться у Перу Абнера Болина, величайшего клоуна Вселенной! – Принц повернулся к Ловкачу. – Я могу идти, мистер Веллингтон?

Ловкач кивнул:

– И помните, что отец наказывал вам не разыгрывать из себя клоуна.

Принц поклонился и убежал. Али прислонился к столу.

– Так, значит, вы улаживаете в цирке все такие дела?

Ловкач кивнул.

– Тогда посоветуйте, как мне вернуться на Землю, не рассмеявшись Арнхайму в лицо?

Ловкач задумался:

– Если бы я был на вашем месте, то не выходил бы из своей каюты.

И Али последовал совету.

II ВСЛЕД ЗА КРАСНЫМИ ФУРГОНАМИ

9

Итили Стран открыла глаза и тут же закрыла их – очередной день нес с собой только бесконечную рутину. Она повернулась на левый бок и натянула на голову термопростыню. Всегда одно и то же: одеться, пробежаться по утреннему морозцу в коровник, проверить данные по дойке и кормлению, спrogramмировать контроль за ходом дел в хозяйстве, вернуться домой и отведать то, что тетя Дива называет «здоровым завтраком». К тому времени, когда она проглотит последний кусочек соевого кекса, пропитанного соевым сиропом, Энниваат, солнце, дающее жизнь планете Долдра, уже будет высоко над горизонтом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.